

— Милочка, по стойте!

Ясный голос прервал мысленный монолог Ли Чжао о том, какое блаженство — быть обладателем таких прекрасных рук. Он резко поднял голову, всё ещё смущённый и неловкий, и посмотрел на юного господина в белом.

— У вас ещё что-то ко мне? — спросил он, чувствуя лёгкую вину в голосе.

Юноша сохранял спокойствие, но в его глазах читалась зрелость, не свойственная его возрасту. Прямого ответа он не дал, лишь мягко, но твёрдо произнёс:

— Если у вас, милочка, больше нет дел, позвольте мне кое-что сказать. Согласно законам империи Дашэн, кто на улице или рынке умышленно обманывает или вымогает чужое имущество, подлежит наказанию розгами — от двадцати до восьмидесяти ударов в зависимости от тяжести проступка, а похищенное должно быть возвращено владельцу.

Его тон был вежлив, но слова звучали как сталь: он чётко процитировал статью закона, не называя имён и не обвиняя прямо, однако смысл был ясен без слов. Ли Чжао почувствовал, как жар подступает к лицу — стыд и досада боролись в нём. Как он мог объяснить, что совсем не собирался вымогать?

Но тут же юноша смягчился, и в его голосе прозвучала искренняя извиняющаяся интонация:

— Однако... только что я действительно гнался за вором, из-за чего тот в ярости бросил кошелёк и напугал вас. В этом вина целиком моя, и совесть меня мучает.

Он отпустил запястье Ли Чжао, сделал полшага назад и, с достоинством поклонившись, сказал:

— Меня зовут Мин Чжэнь. Чтобы загладить свою вину и поблагодарить вас за то, что вы вернули кошелёк, позвольте пригласить вас на обед.

Слова его были тактичны и многоходовы, что Ли Чжао почувствовал себя так, будто прокатился на американских горках. Подумав немного, он наконец понял скрытый смысл.

Выходит, всё это значило: «Да, я действительно напугал вас, гоняясь за вором, и признаю свою ошибку. Но знайте: я не из тех, кого можно легко обвести вокруг пальца — закон здесь не для красоты».

Если бы Ли Чжао настоял на походе в лечебницу, чтобы освидетельствовать ушиб, юноша готов был бы компенсировать ущерб. А если ушиба нет — дело легко может дойти до суда. Но раз вы отказались от вымогательства (именно так, очевидно, воспринял ситуацию юный господин), давайте просто помиримся за обедом?

К тому же одежда мальчика была явно дорогой, да и фамилия Мин... По слухам, в столице только один высокопоставленный чиновник носил эту фамилию — канцлер правой стороны. Скорее всего, перед ним сын самого министра.

«Вот это да!» — мысленно восхитился Ли Чжао. Неудивительно, что дети из знатных семей такие ранние умы: рассудительные, осторожные и в то же время решительные!

А ведь в его прошлой жизни в этом возрасте он только переживал из-за домашних заданий и экзаменов, не зная ни законов, ни искусства ведения переговоров. Хотя, конечно, весь этот конфликт возник по недоразумению!

Осознав это, Ли Чжао почти перестал сердиться. На смену досаде пришли любопытство и живой интерес.

Он взглянул на Мин Чжэня — серьёзного, но явно сообразительного мальчика — и впервые почувствовал: с таким человеком было бы интересно пообщаться. Обед в его обществе, пожалуй, не будет пустой тратой времени.

Он прочистил горло, стараясь подавить улыбку, и попытался повторить почтительный жест, как у собеседника. Но, подняв руку, вдруг вспомнил: сейчас он в образе миловидной «барышни», и такой мужской жест будет выглядеть нелепо. Рука тут же опустилась.

Он слегка склонил голову в ответном поклоне, стараясь казаться сдержаннее:

— Меня зовут Ли. Вы слишком добры, господин Мин. Раз вы так любезны, я не стану отказываться.

Тут Фугуй, всё это время молча стоявший рядом, едва не вытаращил глаза. Он начал лихорадочно моргать и гримасничать, пытаясь передать без слов своё неодобрение.

Ли Чжао, недоумевая, отошёл в сторону под предлогом поправить одежду и тихо спросил:

— У тебя судорога в глазах?

— Ох, ваше высочество! — прошипел Фугуй, уже в панике. — Что вы делаете?! Как можно соглашаться обедать с незнакомцем на улице? А если это ловушка? Люди бывают разные — лицо одно, а сердце другое! Да и ушиб-то вы ещё не осмотрели! Лучше вернёмся в карету — так надёжнее!

— Не волнуйся, всё в порядке, — успокоил его Ли Чжао. — Ты не слышал? Он сказал, что фамилия его Мин. Почти наверняка это сын канцлера.

— Но на всякий случай... — добавил он, бросив взгляд на переодетого охранника в толпе прохожих. — Подойди и проверь: действительно ли у канцлера есть единственный сын по имени Мин Чжэнь, и совпадают ли его возраст с внешностью.

Он хорошо помнил: благоразумный человек не стоит под разваливающейся стеной.

— А-а! Ваше высочество! — глаза Фугуя загорелись. — Значит, вы хотите заручиться поддержкой молодого господина Мин, чтобы потом привлечь на свою сторону самого канцлера?

Ли Чжао только закатил глаза:

— Ты, видно, слишком много читаешь романов! Посмотри-ка хорошенько: разве похож я сейчас на того, кто строит политические интриги? Я же выгляжу как девчонка, пытавшаяся вымогать деньги на улице!

— Никакого «привлечения» тут нет. Просто парень интересный — захотелось познакомиться. Не выдумывай лишнего и держи язык за зубами: я не хочу раскрывать своё положение.

В это же время и слуги дома Мин вели свой разговор.

Подбежавший ранее слуга, воспользовавшись паузой, тихо сказал своему молодому господину:

— Господин, зачем вам связываться с этой барышней? Её охрана явно не простая, да и сама она держится так, будто из очень знатного рода. Такие вряд ли станут вымогать. Наверное, просто испугалась. Лучше поскорее вернёмся домой — нас уже давно ждут, а господин отец снова накажет, если задержимся.

Мин Чжэнь смотрел на Ли Чжао, занятого беседой со своим слугой. Услышав слова, он лишь чуть заметно покачал головой:

— Ничего страшного. Отец всегда такой — разница лишь в один раз больше или меньше.

К тому же... она сказала, что фамилия её Ли. Эта фамилия — не самая обычная.

Конечно, в столице были и другие знатные семьи по фамилии Ли, но что-то подсказывало ему: эта девушка — не из их числа. Мысль мелькнула и исчезла, он не стал её озвучивать.

Уголки его губ едва шевельнулись, и в глазах промелькнула искра интереса:

— Раз уж вышла удача выйти из дому и встретить столь необычного человека, почему бы не

завести знакомство?

Между тем Ли Чжао, договорившись с Фугуем, решил всё же сначала вернуться в карету, чтобы осмотреть ушиб.

Он обернулся к Мин Чжэню и, широко улыбнувшись так, будто никакого неловкого момента и не было, с непринуждённой фамильярностью спросил:

— Так вы Мин Чжэнь? Могу я называть вас просто по имени? Я же представился — зовите меня Ли Чжао.

Ему ужасно надоело, что его постоянно называют «барышней». Во дворце все обращались к нему как «ваше высочество», и это не вызывало дискомфорта, но на улице в женском платье — совсем другое дело!

Мин Чжэнь не ожидал такой непосредственности. Его бледное личико слегка покраснело: хотя нравы в Дашэне и не были чересчур строгими, в первом же разговоре, да ещё после такого инцидента, сразу переходить на имена — всё же несколько вольно и даже чересчур близко.

Он замялся, но воспитание взяло верх:

— Что ж... как вам угодно, барышня Ли.

Ли Чжао мысленно вздохнул: «Ладно, в первый раз можно простить. Потом обязательно заставлю его называть меня просто Чжао».

— Куда именно вы собираетесь меня пригласить на обед?

Это был его первый выход из дворца, и он почти ничего не знал о местных трактирах. Чтобы не выдать своего невежества, он решил переложить выбор на собеседника.

Мин Чжэнь задумался, но недолго:

— Как насчёт «Башни Восьми Бессмертных»? Говорят, там изысканная кухня и уютная обстановка — лучшее место в столице.

— Отлично! — согласился Ли Чжао, не зная, что это за заведение, но доверяя интонации собеседника. — Тогда идите вперёд, я скоро подоспею.

Два десятилетних ребёнка — один в ярко-красном, живом и порывистом наряде, другой — в строгом белом, сдержанный и благовоспитанный — стояли посреди оживлённой улицы и

всерьёз обсуждали, где заказать обед и когда встретиться. Картина была настолько необычной, что прохожие невольно улыбались.

Один старик даже провёл рукой по бороде и с теплотой проговорил:

— Дружба, завязанная в детстве, дороже тысячи золотых.

Под доброжелательными взглядами толпы Мин Чжэнь снова вежливо поклонился:

— Тогда я отправляюсь в «Башню Восьми Бессмертных» и буду ждать вас там.

Ли Чжао махнул рукой, совершенно непринуждённо:

— Не волнуйтесь, я скоро! — И, схватив Фугуя за руку, зашагал к карете. Его алый жакет мелькнул в толпе, словно огненный лисёнок, и быстро исчез.

Мин Чжэнь некоторое время смотрел вслед за этим ярким пятном, в глазах его читалось любопытство и лёгкое предвкушение. Потом он повернулся к слуге:

— Пойдём. В «Башню Восьми Бессмертных».

\*\*\*

Мысли вернулись из шумной улицы Западного рынка десятилетней давности в тихий салон движущейся кареты.

Ли Чжао прислонился к стенке, уголки губ тронула лёгкая улыбка. Вот так началась его первая встреча с Мин Чжэнем — из-за глупого недоразумения, которое, однако, стало началом крепкой дружбы.

С тех пор каждый раз, когда Ли Чжао получал право покинуть дворец (четыре раза в месяц), он почти всегда спешил к Мин Чжэню. Столица, конечно, полна чудес, но играть с Мин Чжэнем было куда интереснее, чем гоняться за новыми забавами.

Правда, канцлер строго следил за сыном: учёба, занятия, распорядок — свободного времени почти не было. Часто случалось так, что Ли Чжао с радостью выбирался из дворца, а Мин Чжэнь был занят и не мог принять гостя. Сначала он просто возвращался обратно, разочарованный.

Потом придумал хитрость: сказал Мин Чжэню, что «случайно» узнал, кто он на самом деле, и предложил:

— Раз тебе нельзя часто выходить, я буду приходить к тебе домой! Только не через главные ворота — чтобы не беспокоить вашего отца.

На самом деле он боялся, что канцлер узнает его, да и лазать через стену казалось куда веселее.

С тех пор при каждом выходе он брал с собой плотные подушки — для удобства при лазании. Сначала Мин Чжэнь решительно отказывался помогать, считая затею опасной. Но однажды Ли Чжао неудачно спрыгнул и чуть не подвернул ногу. Возможно, именно тогда Мин Чжэнь увидел его упорство — или просто испугался за друга. После этого он смягчился.

Вскоре у задней стены особняка Мин появилась передвижная лесенка — теперь Ли Чжао мог легко перелезть внутрь.

Карета плавно остановилась. Снаружи послышался усталый голос Фугуя:

— Ваше высочество, мы у задних ворот дома Мин.

Ли Чжао вернулся к настоящему моменту, откинул занавеску и бросил взгляд на знакомый угол стены. В глазах его снова вспыхнуло озорное предвкушение.

<http://bllate.org/book/17167/1607063>